

Я НЕ ПРЕТЕНДУЮ на объективность. Может, кто-нибудь воспринимает его по-другому, но для меня и многих коллег он именно такой – наш Абрамыч.

Картавый старик, глуховатый, ироничный, иногда занудный – и блестящий журналист, философ по жизни, мастер своего дела. Помню, как мучительно краснела, получая от него после вычитки свою исчерпанную статью. Как он заставлял думать: «Ты почему со всем соглашаешься? Спорь со мной!» Все учусь-учусь, тянусь вслед за Каганисом, но до сих пор удивляюсь точности и простоте его правки. А его манера делать комплименты? Понравился заголовок, и он восклицает: «Как ты до этого додумалась? Ах ты, засранка!» И начинающему журналисту: «Я прочитал твой материал. Ты не идиот!»

То он со старомодной любезностью принимает одаривать всех женщин фруктами, то при встрече подставляет сухую выбритую щеку для поцелуя – слезу ревниво за тем, как Абрамыч с утра уже идет по редакции весь в губной помаде.

Он сам придумывает про себя афоризмы: «Слышали анекдот: Каганис – еврей». Ведет себя эксцентрично и вроде бы никогда не бывает серьезным. Но потешаться над ним никому не приходит в голову. И любые его слова запоминаются надолго. Как-то, услышав от кого-то, что я пренебрежительно отозвалась о необходимости следовать правилам орфографии, подошел ко мне, отчеканил: «Чтобы больше этого не было! Я с такими, когда работал в «Магнитострое», быстро расставался». Мой Абрамыч – бывший редактор. Но ведь бывших редакторов не бывает.

Не поддаваться обстоятельствам

В 1956 году все шли учиться на прокатчиков и сталеваров. Конкурс бешеный – 1939 год был богатым на детей. В школе № 16, где учился Владимир Каганис, было шесть десятых классов. Владимир тоже пошел в горный. Хотя в школе про него говорили «не алгебраист». А вот сочинения он писал отлично. Только на экзаменах получил четверку: написал, что Онегин не хотел выходить замуж за Татьяну. «Ты смеешься надо мной? – кричит на меня сегодняшний Абрамыч. – Да я до сих пор путаю, кто за кого!» Учеба в горном не сложилась – не понимал стереометрию. Бросил на первом курсе, захотел работать на комбинате в новеньком кроватном цехе. Комиссию ему было не пройти из-за слуха, тогда помог влиятельный папа, Абрам Исаакович. «А кем был ваш папа?» – спрашиваю я. «Ну, это в энциклопедии Магнитки посмотри. Кем он только не был: и директором краеведческого музея, и лектором, и цензором, и завотделом культуры. Но должности не меняли папу».

На бегу написали «не подлежит медкомиссии», и 15 декабря 1956 года Владимир стал слесарем. В цехе научили, по его словам, трем вещам: насаживать молоток на рукоятку, материться и не поддаваться обстоятельствам. Все это в жизни пригодилось. В цехе было физически трудно, непривычно, но он справился. Через полгода его перевели на токарный станок. Освоил. «Я был хорошим слесарем и хорошим токарем», – говорит Абрамыч задумчиво.

Но самое главное, чему он научился за пять с половиной лет работы на ММК, – комбинатскому подходу к делу: основательному, профессиональному, человеческому. Он постигал не только трудовую дисциплину – его учили разбираться в людях, объясняли, за какой девушкой можно ухаживать, а за какой не стоит. «Знаешь, какая

Полвека назад литературный редактор «ММ» Владимир Каганис пришел работать на ММК

НАШ АБРАМЫЧ

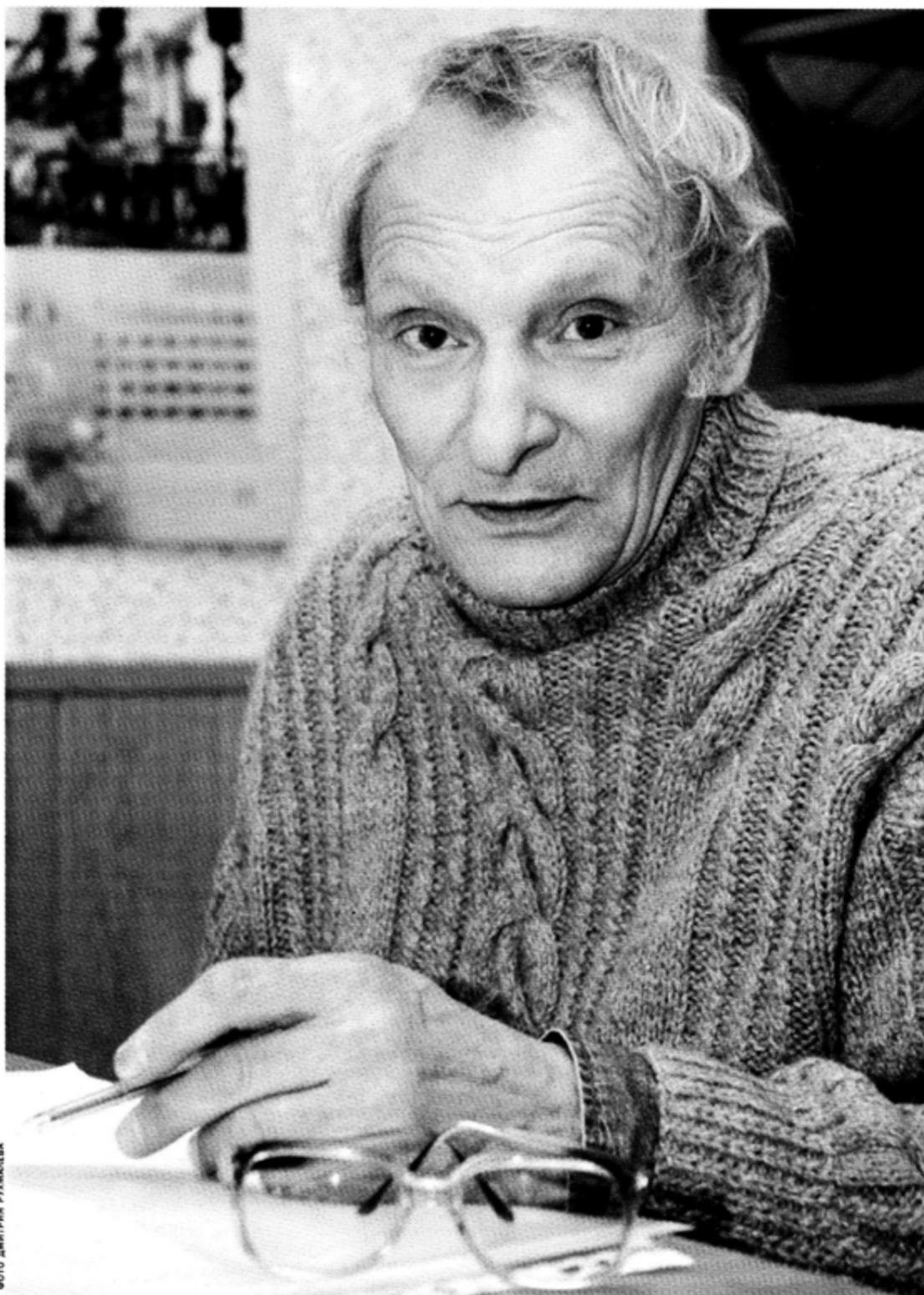

ФОТО АЛЕКСАНДРА РУХМАЦЕВА

«Какая разница, как называется моя должность, – я делаю дело, которое умею»

тогда была нравственность», – клянется Абрамыч.

Завтра газета выходит

Учился он заочно в пединституте. Получив диплом учителя, пришел в газету «Магнитострой». Сначала стал ответственным секретарем. А в 1967 году – редактором. Проработал на этом посту 17 лет.

– Ты сама знаешь, что такое газета, – это текучка, – говорит Абрамыч. – Да еще и вечные столкновения с партийными вождями. Сказать, что они были сволочи, – боже упаси. Нет, но они меня учили, а сами не волокли в этом деле. А я хотел, чтобы они говорили, что нужно сделать, а как это делать – решал бы я сам. Всякое бывало, но я ни перед кем не заискивал. Поэтому, наверное, и выжил. А в «Маг-

нитострое» меня научили одному правилу: «Завтра газета выходит». С ударением на последнем слове. Вот мое воспитание.

Генетическая опечатка

Существует легенда о Каганисе: как он в газете допустил опечатку. У великих людей и ошибки великие. Сам он утверждает, что она была генетической...

Абрам Исаакович Каганис работал заместителем редактора «Магнитогорского рабочего». Шел февраль 1947 года. Печатали и сдавали газету ночью. Утром его вызвали в горком партии:

– Ты газету видел?
– Видел, конечно, я ее сам в печать подписывал.
– А сотрудников за ошибку уже наказал?

– Наказал...

А сам, как говорится, ни сном ни духом. А на полосе сорок восьмым кеглем – примерно два сантиметра высотой – заголовок «Выступление иностранным генерала»...

Будем надеяться, что холодная война началась не из-за этого. А Абрам Исаакович получил строгий выговор с занесением.

...Шел XXVI съезд КПСС. Владимир Абрамович выпускал субботний номер «Магнитостроя» – в первый раз в новом Доме печати на новом оборудовании. Секретарь парткома Иван Голубев написал хороший материал о съезде. И именно с этой статьей не заладилось – на полосе входили какие-то арабские знаки. Владимир Абрамович сражался с непокорной полосой до последнего и победил.

«Если тебе кто-то скажет, что это я спяну ошибся, не верь, – говорит Абрамыч. – Я тогда устал, не ел, не

пил – кишки слиплись. У меня вообще три правила. Первое: если ты пишешь материал – ни капли. Второе: если пьешь, будь осторожен. Третье: если хочешь выпить, я тебе налью».

Когда мы разговаривали, Владимир Абрамович то и дело наливал себе коньячка. Но так как я была «при исполнении», мне не предлагал плеснуть даже в кофе – правила есть правила.

Утром Каганиса вызвали на аппаратное совещание: за фразу в газете «...осуждая материалы XXVI съезда КПСС». «Вылетела идиотская буква «б», – поясняет Абрамыч. И получил от строгой выговор с занесением.

С одной рукой

В 1965 году, будучи еще ответственным, попал под трамвай и лишился правой руки. «Трудно было учиться все делать одной рукой?» – спрашиваю я. «Непривычно, – говорит Абрамыч. – Я понимал, что пришивать пуговицы или штопать уже не смогу. Зато писать левой рукой начал еще в больнице. Рубашка прилипла к спине от напряжения. Но это нормальная реакция организма. Что же я, писать не научусь? Идиот я или мужик?»

Писать он научился – причем таким же почерком, как и раньше. А пока лечил травму, поступил в Уральский государственный университет на факультет журналистики.

В 1967 году женился. «Пока она поняла, что я с одной рукой, поздно было», – улыбается он. Я хорошо понимаю, о чем он говорит. Мы в редакции вообще не воспринимаем Абрамыча как инвалида. Он для этого повода не дает.

О близких он всегда говорит с мягкой иронией и большой любовью.

– Жена породу мне испортила, – притворно ругается он. – Ты моего сына-то видела?

– Очень симпатичный мужчина!
– Ну, это твои бабские комплименты, – цветет Абрамыч. – Ты еще дочку мою не видела!

Есть работа – есть Каганис

С 1984 года и по сегодняшний день Владимир Каганис работает в «Магнитогорском металле». Был ответственным, сейчас – литературный редактор. «Какая разница, как называется моя должность, – я делаю дело, которое умею», – говорит он.

«Как вам с нами работаете?» – спрашиваю я. Абрамыч не хочет откровенничать о дне сегодняшнем. Но интервью есть интервью. И как газетчик он это прекрасно понимает: «Ах ты, зараза... Завидую я вам. Вы мобильные, вы быстро осваиваете новую технику – а я с трудом когда-то научился работать на печатной машинке. Вы талантливые, чем я, – все вместе и каждый в отдельности. У вас есть резерв, у вас большие возможности для роста – у вас большие возможности для ошибок. Хочется предостеречь, чтобы не наступали на те грабли, на которые наступил я. Но я за вас жить не могу. Я это и детям своим говорю. Живите сами».

Когда на оперативке мы поздравляли Каганиса с юбилейной датой, многие над ним по-доброму подшучивали: «Сколько всех проработали – столько не живут» или «Если уволишься, все равно приходи в редакцию – будешь работать экспонатом в музее «Магнитогорского металла».

Случается, он болеет или на него нападает хандра – но он все равно приходит. Обходит всех журналистов, протягивает руку – гони материалы на вычитку. Говорит: «Есть работа – есть Каганис, нет работы – нет Каганиса».

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО.